
И. С. Куликова, Д. В. Салмина

ТЕРМИН *ТИРЕ* ВНЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Как следует из названия, в предлагаемой статье рассматривается функционирование термина «тире» за рамками специального (лингвистического) текста. Осуществленный авторами анализ представленных в НКРЯ данных употребления пунктуационного термина «тире» показал, что этот термин, соответствующий значительной внутрифразовой паузе с различным собственно логическим и эмоционально-экспрессивным наполнением, чрезвычайно привлекателен как объект метаязыковой рефлексии для «словесников». Используя в самых разных дискурсах, термин претерпевает функциональную детерминоло-гизацию, не только не утрачивая своей специальной семантики, но и обогащая ее тради-ционное описание в справочниках по пунктуации, что со всей очевидностью обнажает формальную природу толкования термина в общих словарях.

Ключевые слова: вербализация тире, пунктуационный знак, тире, функциональная де-терминологизация тире, эмоционально-экспрессивное паузирование.

I. Kulikova, D. Salmina

THE TERM *DASH* OUTSIDE THE LINGUISTIC DISCOURSE

As the title implies the article describes the functioning of the term dash beyond the specific (linguistic) text. Implemented by the authors analyze the data of the National Corps of the Russian language showed the following: this punctuation term is extremely attractive to writers and jour- nalists as an object of metalinguistic reflection, since it corresponds to a significant pause in the phrase with a different logical and emotionally-expressive content. Using a variety of discourses, the term undergoes functional determinologization, not only without losing its special semantics, but also enriching its traditional description in reference books on punctuation, and clearly re- veals the nature of the formal interpretation of the term in generic dictionaries.

Keywords: dash, dash verbalization, punctuation mark, dash functional determinologization, emotionally expressive-pausing.

— Не только обыкновенные знаки препинания, но и необыкновенные, как-то: кавычки, тире, скобки — всегда, по сущей совести, становлю.

М. Е. Салтыков-Щедрин

В настоящее время тире ведет себя явно наступательно по отношению к другим знакам...

Н. С. Валгина

В отличие от терминов, рассмотренных в предыдущих очерках (см. [3, 4]), пунктуационный, а следовательно, и лингвистический термин *тире* (БТС: 1. Знак препинания в виде длинной горизонтальной черточки [1]) ни в одном из толковых словарей не имеет ограничивающей пометы, что вполне понятно: термин входит в языковое

сознание носителей языка вместе со школьным курсом пунктуации, а значит, исходно является если не общеупотребительным, то во всяком случае общеизвестным. Кроме того, сегодня тире — один из самых актуальных пунктуационных знаков: оно «все шире и заметнее завоевывает себе позиции в пунктуационной системе. При-

менение этого знака имеет очень широкий диапазон. Прежде всего, тире многофункционально: оно выполняет функции и чисто структурные, и смысловые, и экспрессивные. В настоящее время тире ведет себя явно наступательно по отношению к другим знакам, в частности, заметно тесня в ряде позиций двоеточие» [2, с. 121].

К тому же тире — пунктуационный знак с непростой историей, которая нашла отражение в соответствующей подборке материалов из НКРЯ (Национального корпуса русского языка). Очень богат информацией фрагмент записных книжек Л. Я. Гинзбург, где есть интереснейшее воспоминание об отношении к этому знаку двух крупнейших русских лингвистов: *Л. В. Щерба рассказал, что Бодуэн де Куртэнэ вычеркивал в работах своих учеников тире, которое он называл «дамским знаком». Вслед за Бодуэном Щерба полагает, что тире, равно как и подчеркивания (в печати курсив), попало в литературу из эмоциональных форм: письма, дневника. «Сейчас письма не пишут. А прежде писали много, особенно женщины, — и многие очень хорошо писали». Он усматривает в употреблении тире и курсивов признак нелогичности или лености пишущего, который пользуется не прямыми, а добавочными средствами выражения мысли... Корн. Ив. Чуковский дал мне как-то менее уничижительное толкование этому пристрастию: «Тире — знак нервный, знак девятнадцатого века. Невозможно вообразить прозу восемнадцатого века, избилующую тире» [Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943). — Р → (расширено за счет обращения к тексту)]. Подтверждение этому нашлось и в НКРЯ: *Черточки (тире) есть также новое изобретение, показывающее больше упадок, нежели возвышение ума* [А. С. Шишков. Письма И. Дмитриеву (1818–1821)]. С еще большим основанием можно утверждать, что это знак века двадцатого.*

Показательна реакция самой Л. Я. Гинзбург на такую оценку тире: *Я очень огор-*

чилась — при моей орфографической бездарности тире было единственным знаком, кое-что говорившим моему уму и сердцу. Неужели у меня «дамская психология»!! [Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943). — Р →]. Уже приведенные цитаты свидетельствуют о своего рода эмоциогенности даже самого вопроса о тире. Как мы увидим дальше, термин очень часто используется в аксиологических контекстах, что можно считать главным условием его функциональной (не содержательной!) детерминологизации.

Исключение составляют немногочисленные фрагменты собственно лингвистических текстов Л. В. Щербы, А. А. Реформатского, Н. С. Трубецкого, В. Лопатина, авторы которых рассуждают о правилах постановки тире в приложениях [В. Лопатин. О новом академическом справочнике по русскому языку // Наука и жизнь. 2008], при передаче диалога [А. А. Реформатский. Письма К. И. Чуковскому (1934–1969) // Русская речь. 1991] (ср. у Валерия Аграновского: *Мы реже пользуемся прямой речью, начиная с тире и щедрого абзаца, — и места жалко, и, кажется, вроде бы теряем в публицистичности* [Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976–1999)]) или при оформлении деловых бумаг (*В том случае, если заседание продолжалось несколько дней, указывается дата начала заседания и через тире — окончания* [Процесс документирования (2004)]). Но таких собственно терминологических употреблений слова в НКРЯ нашлось не более 20-ти.

Термин *тире* попадает в поле зрения неспециалистов в связи с пунктуационной проблемой, которая переживается эмоционально, а потому оказывается в аксиологических контекстах: — *Вот у вас тут тире не поставлено... это нехорошо, — сказал он обидным голосом... Нельзя: ведь господин директор будет читать, — сказал он наставительно. — Тут вот опять тире. Как же вы, сочиняете еще, а этого не зна-*

ете... [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)]; *Также поменьше употребляйте кавычек, курсивов и тире — это манерно* [А. И. Куприн. Памяти Чехова. Он между нами жил... (1905)]; — *Знаете, — перебил он, — тире у вас, тире этих — бездна* [Д. А. Фурманов. Из дневников (1926)]; *Запятые, а особенно тире просто убивали ее, от этого она даже не любила литературу* [Галина Щербакова. Три любви Маши Передреевой (2002)]; *Его возмущали даже запятые, не говоря уже о двоеточиях и тире* [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Ч. 2 (1975–1977)].

И такое переживание проблемы тире — это не только следствие его бурной экспансии и связанного с этим авторского пунктуационного произвола. Причина кроется и в семантике (функциях) этого знака. Лаконичнее всего значение тире выразил Л. В. Щерба: «**Тире** обозначает особую паузу, а главное — особую интонацию», назвав далее эту паузу «паузой сказуемого» [Л. В. Щерба. Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» Пушкина (1922)]. Именно как знак предикативно значимой паузы в эмоционально-экспрессивной коммуникативной ситуации тире и получило сегодня свои широкие права: *Я расставляю им тире и двоеточия, усиливая экспрессию* [Галина Щербакова. Моление о Еве (2000)]; *Многочисленные эмоциональные тире и многоточия еще более подчеркивают возбужденное состояние героя* [Феликс Раскольников. Статьи о русской литературе (1986–2000)].

В НКРЯ нашло отражение интересное явление, характерное для последних лет: обозначение пунктуационного знака словом, вербализация тире. Например: *А какие пожелания чаще всего высказывают ваши друзья тире клиенты?* [Марина Лацис. Сад архитекторов и соловьев // Ландшафтный дизайн. 2002.05.15]; *Из сплошного «нельзя» он махом влетел в сплошное «можно тире хочу»* [Владимир Иваницкий. Персонаж в фольклорном интерьере // Знание — сила.

1998]; *Я с того и начал вчера: идет вереница людей, каждый берет горсть земли и бросает — образуется холм. Холм тире целесообразное государство* [Василий Шукшин. Штрихи к портрету (1973)]; *Дон Жуан тире Овидий тире Парис тире Казанова* [Эдвард Радзинский. Продолжение Дон Жуана (1990–2000)]; — *Тома и Витя тире безмозглые ослы, — сказал он* [Владислав Крапивин. Трое с площади Карронад (1979)]; *(человек вставил себе золотой зуб). Вы, тире, мерзавец! Ну, ты, отчаянной жизни еврей!* [Виктор Кин. Записные книжки (1921–1937)], а также: *паяльник тире кипятильник* (Т. Соломатина), *помогал тире мешал* (Л. Петрушевская), *в десять тире двенадцать дней* (В. Рецептер), *Путину тире Сталину* (Ю. Богомолов), *в языке тире мышлении* (В. Иваницкий), *боссом тире курьером (?)*, *спать тире отдыхать лежа* (братья Вайнеры).

Встречается также пунктуационно-вербальное удвоение интонационной паузы: *То есть под крышей надо понимать забор. Крыша — тире — забор. Это понятно?* [Василий Шукшин. Крыша над головой (1970–1974)]; *Сюда, правда, приехал пописать. Тире — отдохнуть. Мне у вас очень понравилось* [Василий Шукшин. Приезжий (1970–1974)]; *И таким образом отметить и то, и другое: здравствуй, двадцать первый век — тире — здравствуй, Платонов* [Андрей Битов. Пятьдесят лет без Платонова (2000) // Звезда. 2001]; *...ты можешь быть эффективным в жизни, но сначала научись сохранять свою жизнь, делать ее осмысленной, гармоничной — тире — безопасной* [Г. Мялковская, Виталий Сундаков. Почему я до сих пор в России? // Знание — сила. 2003].

Кроме тех единичных случаев, когда такой оборот имитирует написанный (напечатанный) текст (например: *Начало: когда я шел чай пить к знакомому, видел я на фонарных столбах объявление о всеобщей мобилизации, подписанное диктаторами — двумя лицами М и N через тире: М тире N*

[М. М. Пришвин. Дневники (1918)], такая вербализация тире целенаправленно усиливает экспрессивный эффект паузы-интонации приложения или сказуемого.

Хотя пунктуация предписывает употреблять тире прежде всего как знак логически обоснованной паузы, в обиходном языковом сознании тире — это знак эмоционально-экспрессивного паузирования (*Тире в устной речи он расставлял так же часто, как в письменной: Ять так и видел их* [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]). Указанное свойство тире подчеркивал Л. В. Щерба. Неслучайно, что знак тире в русскую письменность, а одновременно и французский термин *тире* [франц. *tiret*] ввел сентименталист Н. М. Карамзин, и затем у него стали появляться подражатели: *Литературные познания моего учителя, Дмитрия Михайловича Кудлая, франта и модника, были очень ограничены. Он читал с восторгом «Бедную Лизу» и любил везде ставить тире, в подражание модному тогда Карамзину* [Н. И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856). — Р →].

Именно как экспрессивный знак тире воспринимается и оценивается «словесниками»: *Письма были длинные, страстные, сумбурные, со множеством сокращений, тире, многоточий, помарок, неправильных переносов и восклицательных знаков* [В. П. Катаев. Время, вперед! (1931–1932)]; *...все это взвинченное чувственное безумие этого года, опечатки, точки, тире, запятые* [Майя Кучерская. Тетя Мотя // Знамя. 2012].

Отсюда и субъективное пристрастие отдельных авторов к этому знаку. Например: *У такого писателя, как, например, Б. В. Розанов, на протяжении одной только фразы сменялось несколько душевных тонов; как же ему было не прибегать к ежеминутным курсивам, кавычкам, тире!* [К. И. Чуковский. Кубофутуристы (1922)]. Тире — самый распространенный из авторских знаков, которые «не связаны жесткими правилами расстановки и всецело зависят от воли пишущего, воплощают индивиду-

альное ощущение их необходимости. Такие знаки включаются в понятие авторского слога, они приобретают стилистическую значимость <...> глубже и тоньше связаны со смыслом, со стилистикой конкретного текста» [5].

В этой связи вспоминается Максим Горький: *Вроде бы море — смеется, как бессмертно через тире ляпнул Горький* [Людмила Петрушевская. Русский турецкий словарь // Домовой. 2002.10.04]. Однако Д. Э. Розенталь в «Справочнике по русскому языку. Орфография и пунктуация», в разделе «Авторская пунктуация» приводит примеры авторского тире у Ф. М. Достоевского, даже у «нормативного» И. С. Тургенева, но особо подчеркивает его роль в поэтических текстах: «тире с его способностью выражать ритмомелодию речи широко используется Ф. И. Тютчевым» и даже «иногда оно употребляется поэтом и как конечный знак», со ссылкой на Н. С. Валгину отмечается активное использование тире в поэзии А. А. Блока «для сжатого, резкого и контрастного выражения мысли <...> В. В. Маяковский использует тире для передачи отрывистой, разорванной речи» [6, с. 572–575], ср.: *Не зря же любимый знак препинания Маяковского — разъединяющее все и вся тире* [Петр Вайль, Александр Генис. «Я» и «мы» // Огонек. 1991. № 14]. То есть тире, организующее ритм стиха, — распространенный авторский знак поэтов.

Но, наверное, никто не пользовался этим знаком так многообразно и оригинально, как Марина Цветаева. Об этом прекрасно написал Иосиф Бродский, анализируя ее стихотворение «Новогоднее»: <...> *цветаевский знак равенства (или неравенства) — тире — разъединяет их больше, чем это сделала бы запятая: оно отбрасывает каждое следующее слово от предыдущего вверх <...>. Предшествующее и последующее тире, почти освобождающие слово от смысловых обязанностей, вооружают «свет» всем арсеналом его позитивных аллюзий <...>. В сущности, Цветаева пользует-*

ется здесь пятистопным хореем как клавиатурой, сходство с которой усиливается употреблением **тире** вместо запятой: переход от одного двухсложного слова к другому осуществляется посредством логики скорее фортепианной, нежели стандартно грамматической, и каждое следующее восклицание, как нажатие клавиш, берет начало там, где иссякает звук предыдущего [И. А. Бродский. Об одном стихотворении (1981)]. Полагаем, читатели простили нам пространную цитату, полностью представленную в НКРЯ.

По-иному складывались отношения со знаком тире у Анны Ахматовой: Она настаивала на том, чтобы в стихах было меньше запятых и вообще знаков препинания, но широко пользовалась знаком, который называла «своим», **запятой-тире**, при этом ссылаясь на того же Лозинского, который сказал ей: «Вообще такого знака нет, но вам можно» [Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986–1987)]; <...> Лозинский до тонкости знал орфографию и законы пунктуации чувствовал, как люди чувствуют музыку: «**Точка-тире** — такого знака нет по-русски, а у Вас есть», говорил он, когда держал корректуру моих стихов [А. А. Ахматова. Лозинский (1966)].

Функция знака достаточно продолжительной паузы внутри целого (фразы или лексической группы), с одной стороны, и его традиционное использование в обозначении временных периодов, в частности дат жизни и смерти, — с другой (Тут золотом написано: Пушкин, и — годы жизни через **тире** [Андрей Дмитриев. Дорога обратно // Знамя. 2001]), вызвало к жизни ставшую традиционной семантическую трансформацию, объединившую семы 'время' и 'жизнь', и полную детерминологизацию пунктуационного термина. В НКРЯ встретилось более 30 фрагментов с такой метафоризацией термина **тире**. Механизм ее обнажен у М. Цветаевой: — *Обещаю. Теперь — длинное тире. Тире — длинной*

в три тысячи верст и в семь лет: в две тысячи пятьсот пятьдесят пять дней... Еще тире — и еще подлиннее: в целых десять лет... Маленькое тире — только всего в один день [Повесть о Сонечке (1937)]; Перерыв, который лучше всего бы заполнить графически — тире; уезжал, писал, тосковал, — не знаю [Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым) (1934)] — физическое и семантическое «пространство» тире «покрывает» период напряженного ожидания.

В следующем примере **черное тире** — метафора тяжелого периода жизни: *Эти пять дней я представляю себе на фоне всей моей жизни, как длинное черное тире. Тире, и больше ничего. Сейчас я с большим трудом вспоминаю кое-какие подробности моей тогдашней деятельности [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Ч. 3 (1935)].* Несколько сложнее осмысливается метафора временного интервала в эссе М. Эпштейна «Ленин — Сталин»: *...между ними сразу прочертилась генеральная линия исторического развития, на письме изображаемая знаком тире <...>. После «Ленина» само напрашивается тире, как знак исторического разгона... Теперь в этом просвете, образованном вокруг удлинённого тире, гуляет ветерок перемен [Михаил Эпштейн. Ленин — Сталин // Родник. 1989].*

Но чаще всего слово **тире** становится метафорой прожитой жизни — «мига между прошлым и будущим»: *От большинства людей остается только тире между двумя датами... [Георгий Полонский. Доживем до понедельника (1966–1968)] — о бесследно прошедшей жизни; Надгробие было на двоих. Под овальным медальоном, на котором улыбалась женщина с виноградно вьющимися волосами, еще один — с молодым изображением старика на эмали. Под ним дата рождения и тире длиной в жизнь [Николай Крышук. Расписание // Звезда. 2001. — P→]; И краткое тире, что их соединит, в какой-то миллиметр*

всю жизнь мою вместит [Владимир Войнович. Дело № 34840 (1999)] и др.

В заключение приведем в расширенном виде представленный в НКРЯ фрагмент книги М. Анчарова: *Мы-то думали, что только у нас, судьбой потерянных, в каждом сарае собачья свадьба и что свадьбы эти от нашего беспутья. Путь-то наш весь от фабрики, через трактир да за сараи. А оказалось, что и у всех одно — страх домовины да крест в конце пути с надписью: две даты из календаря и между ними **тире** — полосочка, и в этой **тире** — вся жизнь. Будто тропочка от прихода до ухода. И коротка та тропочка и незаметна никому, кроме того, кто сам прошел, да не скажет. А куда прошел и откуда — о том ли другим людям судить, если сами **свою тире** протаптывают и торопятся к чужому телу прикоснуться, припасть хоть на миг? Потому что и вспомнить нечего больше в конце **тире**, кроме тела, к которому припадал в тоске или радости. Больше и вспомнить нечего, кроме хлеба, тела <...>. Но долгов этот путь, а жизнь коротка, и человек нет-нет да и завопит: зачем я живу, и неужели жизнь — это черточка, **тире** на памятнике между годом рождения и годом смерти моей? <...> Жалкий отрезочек пути, где более или менее понятны причины и следствия **тире** — вот и вся твоя дорога. Ни более отдаленных причин, ни более отдаленных следствий я не знаю, но неужели я как тень?..* [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989). — Р →]. В комментарии здесь нуждается, видимо, не столько семантика метафоры, абсолютно прозрачная, сколько механизм ее создания: слово *тире* как наименование графического знака оказывается синонимичным словам *полосочка*,

черточка, а по семе 'жизненный путь' — словам *тропинка* и *дорога*. Обратим внимание на то, что все эти существительные женского рода. Грамматическая аналогия оправдывает странное, на первый взгляд, изменение среднего рода **тире** на женский: оправданием может служить то, что этот текст — внутренняя речь такого персонажа, который вполне мог допустить столь типичную диалектную грамматическую ошибку. Но в авторском тексте благодаря такому приему происходит грамматическое «срастание» слов **тире** и **жизнь**: *в этой тире — вся жизнь; сами свою тире протаптывают.*

Как следует из проведенного анализа,

- пунктуационный термин **тире**, соответствующий значительной внутрифразовой паузе с различным собственно логическим и эмоционально-экспрессивным наполнением, чрезвычайно привлекателен как объект метаязыковой рефлексии для «словесников»;

- используясь в самых разных дискурсах: научно-популярном, филологическом, публицистическом и художественном, — термин претерпевает функциональную детерминологизацию, не только не утрачивая своей специальной семантики, но и обогащая ее традиционное описание в справочниках по пунктуации, и со всей очевидностью обнажает формальную природу толкования термина в общих словарях;

- подавляющее большинство контекстов употребления термина **тире**, представленных в НКРЯ, аксиологические — оценочные и открыто эмоциональные, в том числе и с вербализацией графического знака;

- полная детерминологизация термина связана с развитием на его основе метафор 'временной период' и 'жизнь', не зафиксированных никакими словарями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. (БТС)
2. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учебное пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.

3. Куликова И. С., Салмина Д. В. Лингвистический термин за пределами лингвистического дискурса. Очерк первый: синтагма и синтаксис // Слова и словари: сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк / отв. ред. В. А. Ефремов. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 97–103.

4. Куликова И. С., Салмина Д. В. Лексема глагол за пределами лингвистического дискурса // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). 2016. Vol. 2. No 8 (8). С. 37–42.

5. Понятие об авторской пунктуации. Объективные и субъективные основания авторской пунктуации. [Электронный ресурс] // сайт <http://www.studfiles.ru/pgniu/> Пермского государственного национального исследовательского университета, 2015. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2682304>

6. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://old-rozental.ru/punctuatio.php>.

REFERENCES

1. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyika / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. (BTS)

2. Valgina N. S. Aktualnyie problemyi sovremennoy russkoy punktuatsii: uchebnoe posobie. M.: Vyissh. shk., 2004. 259 s.

3. Kulikova I. S., Salmina D. V. Lingvisticheskiy termin za predelami lingvisticheskogo diskursa. Ocherk pervyyi: sintagma i sintaksis // Slova i slovarei: sbornik nauchnyih statey, posvyaschennyiy professoru Valentine Danilovne Chernyak / отв. ред. В. А. Ефремов. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 97–103.

4. Kulikova I. S., Salmina D. V. Leksema glagol za predelami lingvisticheskogo diskursa // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). 2016. Vol. 2. No 8 (8). С. 37–42.

5. Ponyatie ob avtorskoy punktuatsii. Ob'ektivnyie i sub'ektivnyie osnovaniya avtorskoy punktuatsii. [Elektronnyiy resurs] // sayt <http://www.studfiles.ru/pgniu/> Permskogo gosudarstvennogo natsionalnogo issledovatel'skogo universiteta, 2015. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2682304>

6. Rozental D. E. Spravochnik po russkomu yazyiku: orfografiya i punktuatsiya. M., 2009. [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://old-rozental.ru/punctuatio.php>.

С. В. Хусаинова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуальность исследования определена необходимостью изучения устойчивости личности в качестве основы становления студентов в учебно-профессиональной деятельности. Направленность статьи обусловлена необходимостью изучения внутренних факторов осуществления личностных качеств индивида, которые развиваются и выражаются в его межличностных отношениях, при взаимодействии с социальными группами. В исследовании данной проблемы использовался конвергентный подход, который позволяет в рамках процесса обучения рассмотреть способности устойчивого удержания структуры деятельности, направленной на получение результата у субъекта. Автором представлены итоги экспериментального исследования, нацеленного на выявление особенностей выполнения задания обучающимся в экспериментальной ситуации. Статья представляет практическую значимость для педагогов-психологов, исследователей, работающих непосредственно в образовательных организациях, которым интересна собственная позиция обучающегося и его деятельность.

Ключевые слова: устойчивость, личность, конвергентный подход, обучающиеся, поведение, учебно-профессиональная деятельность.